

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ

В.В. АЛЕКСЕЕВ

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ

академик, директор
Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
istor@uran.ru

Из исторического опыта освоения Азиатской России вытекает резюме, что этот процесс детерминировался не общественно-политическими формациями, не парадигмами колонизации, а сменой технологического способа производства, связанного с доминированием той или иной технологии получения общественных благ. На первых порах это были охота и рыболовство, собирательство, сменявшиеся аграрным, а затем промышленным производством. Хотя они нередко функционировали параллельно друг с другом, но все-таки преобладало, как правило, одно из них, обеспечивая основные жизненные потребности человека в конкретный исторический период.

Ключевые слова: цивилизационная динамика, традиционное общество, индустриальное общество, модернизационные процессы.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В силу громадности своей территории Россия состоит из множества регионов, чаще всего совершенно различных по природным, экономическим, культурным условиям и историческим судьбам. Через них пролегают пути к границам государства, его природным и человеческим ресурсам. От них во многом зависит политическое и социально-экономическое развитие страны. Отсюда региональные проблемы изначально приобретают основополагающее значение, хотя и не всегда адекватно оцениваются властью и обществом, а также субъектами международного права.

Государственные деятели разных эпох и различных политических ориентаций пытались управлять регионами, исходя из складывающихся внутренних и международных потребностей, а также своих убеждений, не всегда оглядываясь на исторический опыт, зачастую повторяя типичные ошибки своих предшественников. К сожалению, осмысление истории тех или иных региональных сообществ чаще всего носило лишь краеведческий характер, нередко ангажированный определенными политическими обстоятельствами, не вскрывая глубинных процессов, происходящих на тех или иных территориях. Поэтому представляется целесообразным рассматривать российские регионы в цивилизационной динамике для того, чтобы проследить всю совокупность факторов, определивших их современное состояние.

Понятие «цивилизация» многоплановое. По мнению известного специалиста в этой области Л.И. Семенниковой, под цивилизацией следует понимать спо-

соб жизнедеятельности общества, который определяется наиболее общими факторами: географической (природной) средой; системой ведения хозяйства (экономикой); социальной организацией; духовными ценностями (религией, идеологией) и культурой; а также политической системой; ментальностью; особенностями эпохи, в которой цивилизация существует [1, с. 33].

Не вдаваясь в дискуссию по сути данного определения, остановимся на так называемых «локальных цивилизациях», к которым разные авторы относят различные социоисторические организмы. В их число входят вавилонская, шумерская, египетская, эллинская, мексиканская, индийская, западная и др. Возможна типология цивилизаций и по другим признакам – атлантическая, индустриальная. В первом случае доминирует географический принцип, во втором – технологический. При всей условности последнего именно он привлекает внимание своей актуальностью.

Сегодня во всем мире мало найдется регионов, не тронутых индустриальной цивилизацией, которая представляет собой всеобъемлющий комплекс радикальных и интенсивных трансформаций экономики, социальных отношений, культуры, ментальности, образа жизни и среды обитания. Если локальные цивилизации были территориально-временными анклавами, то индустриальная цивилизация носит всемирный характер. Это особая эпоха мировой истории.

С нашей точки зрения, следует говорить именно об индустриальной цивилизации, а не об индустриаль-

ном обществе, как утверждали Сен-Симон, Ж. Фурастье, Р. Арон и многие их последователи. Само по себе общество не может быть ни аграрным, ни индустриальным, ни постиндустриальным. Индустрия является технологической базой, источником прогресса для специфических общественных отношений, основанных на углубленном разделении труда и обмене результатами деятельности, развитии рынка товаров, капиталов и труда, массовом потреблении общественных благ, масштабной урбанизации, разграничении функциональных ролей, выполняемых индивидуумами в обществе, вытеснении отношений личной зависимости между людьми отношениями их личной независимости, замене социального критерия сословности на критерий классовых отношений, стирании социальных различий между полами, преобладании демократии над авторитаризмом, разделении властей, официальном равенстве граждан перед законом, интеграции широких масс населения в политический процесс, распространении всеобщей грамотности, секуляризации образования, интенсивном развитии науки, дифференциации культурных систем и ценностных ориентаций, формировании мобильных средств трансляции информации и т.д., что в совокупности составляет индустриальную цивилизацию, принципиально отличную от предшествующих цивилизаций.

С конца прошлого века так называемое индустриальное общество, а в нашей интерпретации – индустриальная цивилизация, подвергаются массивной и в общем обоснованной критике в связи с кризисным состоянием. Однако это не может отрицать их многовекового существования, исторической значимости для понимания побед и поражений индустриальной эпохи и возможного перехода ее в постиндустриальную эру, которая, если и угадывается, то пока еще убедительно не доказывается практикой, особенно в связи с нынешним мировым экономическим кризисом, демонстрирующим, скорее, закономерности индустриальной цивилизации, чем черты якобы грядущего постиндустриального общества.

Индустриальная цивилизация в поисках сырья и энергетических ресурсов, а также рынков сбыта продукции с ошеломляющей быстротой ввергла в свою орбиту все новые и новые регионы мира, сначала с благоприятными природно-климатическими условиями, а затем и с экстремальными. Поэтому региональное измерение модернизационных процессов представляет собой большую и важную научную проблему. Определенный вклад в ее решение внес Институт истории и археологии Уральского отделения РАН [2–4]. Продолжая эту традицию, попытаемся наметить основные линии подхода к осмыслению освоения Азиатской России в цивилизационной динамике, акцентируя внимание на северном векторе развития.

Северная Азия является специфическим регионом, который расположен вдалеке от центров классических цивилизаций, не омывается теплыми морями, имеет суровый климат, слабую заселенность и протя-

женные труднодоступные пути сообщения, что очень сильно затрудняет его связь с внешним миром. Вместе с тем этот регион изобилует природными богатствами, удален от мировых геополитических конфликтов, населен физически крепкими, смелыми, предприимчивыми людьми. Все это наложило особый отпечаток на его цивилизационное своеобразие и требует специального изучения.

2. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

До присоединения к России ее будущие восточные окраины были очагово заселены народами, принадлежавшими к буддийско-ламаистской, исламской, китайской, финно-угорской цивилизациям, которые оказали заметное влияние на их религиозные верования, особенности экономического и социально-культурного укладов. Несмотря на усиленную христианизацию региона, традиционные верования соседних цивилизаций сказывались очень долго, а в некоторые периоды даже продолжали укрепляться. Так, если в 1774 г. в Забайкалье насчитывалось 617 лам, то в 1831 г. их численность достигла 4637. Распространение буддизма вело к усилению влияния тибетского языка как неотъемлемой части образования, книгопечатания, переводов литературных произведений из Индии, Непала, Тибета [3, с. 179–180]. Аналогичным образом проявлялось влияние исламской и китайской цивилизаций. В целом этнокультурные взаимодействия способствовали аккумуляции различных национальных традиций, их синтезу, возникновению оригинальных культурных импульсов, влияние которых ощущается до сих пор [3, с. 179–203].

С приходом русских регион оказался под влиянием православно-славянской цивилизации с ее развитой земледельческой культурой, общинным землепользованием, высокой духовностью, идеей социального равенства, православным идеалом священного царства, основанного на высшей правде и жертвенном служении святой апостольской вере. Освоение славянами восточных регионов сопровождалось расширением ареала распространения христианства (православия) как вследствие проникновения носителей данной конфессии на новые территории, так и благодаря внедрению христианства в среду аборигенного населения (христианизация). Славяне появились на Урале еще до монгольского нашествия. Первыми дорогами сюда проложили новгородцы. Русская колонизация края включала как аграрное, так и торгово-промышленное освоение.

Несмотря на принципиальные различия восточных и православно-славянской цивилизаций, у них была одна общая черта – традиционное общество, которое характеризовалось ограниченными производственными возможностями с преобладанием промыслово-аграрной экономики, иерархической социальной структурой, авторитарной властью, минимальной грамотностью, низким уровнем техники, стагнацией традиций, преимущественно сельским образом жизни.

Православно-славянская цивилизация совместно с осколками древних цивилизаций на территории Азиатской России в условиях традиционного общества продемонстрировала довольно высокие экономические результаты типично колонизационного свойства. Прежде всего необходимо отметить стремительное продвижение русских на Восток. Менее чем за три четверти века они прошли путь от Урала до Тихого океана, ежегодно присоединяя к Московскому государству территории, равные Швеции.

Промысловая стадия освоения ведет свое начало с древнейших времен. Коренное население от Урала до Тихого океана испокон веков занималось охотой и рыболовством. С проникновением русских на эти территории пушной промысел приобрел особое значение. Подсчитать точное количество добытой пушнины не представляется возможным из-за отсутствия надежной статистики. Максимальная среднегодовая добыча сибирского соболя приходилась на 40-е гг. XVII в. и составляла 145 тыс. штук. За 70 лет этого века было добыто 7,2 млн шкурок ценного меха [5, с. 104–106]. В Приморье широкое распространение получил морской промысел. Только Российско-американская компания за годы своего существования добыла на Командорских островах 2,3 млн шкур котиков, получив прибыли свыше 20 млн руб., что имело существенное значение для первоначального накопления капитала в России [6, с. 18].

Важным продовольственным ресурсом и крупной статьей дохода было рыболовство. В основных рыбопромышленных районах Дальнего Востока и Сибири за 1900–1905 гг. всего было выловлено 9,6 млн пудов рыбы на 22,2 млн руб. Более трех четвертей улова приходилось на долю Тихоокеанского побережья. Особенно ценился лосось. В 1914 г. его было поставлено на внутренний и внешний рынок около 100 млн штук [7, с. 163–165].

Таким образом, промысловая стадия освоения Азиатской России не только обеспечивала продовольствием традиционное общество региона, но и приносила значительные дивиденды государству. Азиатская пушнина составляла заметную часть его доходов. На ее долю приходилось в 40–50-х гг. XVII в. 20 %, а в 80-х – 10 %. Даже много лет спустя, когда количество промысловых зверей резко уменьшилось, пушнина не только продолжала оставаться приоритетной статьей дохода российской казны, но и играла важную роль в мировой торговле. По данным Всемирной охотничьей выставки в Вене 1910 г., сибирская пушнина составляла 44 % мировой добычи мехов и оценивалась на мировом рынке в 50 млн руб. [7, с. 161].

Преимущественно промысловое освоение региона сменилось аграрным. Оно разворачивалось по мере усиления стихийной русской крестьянской колонизации. К концу XVII в. в Сибири собиралось почти 4 млн пудов хлеба в год. Постепенно земледелие проникло на Дальний Восток вплоть до Сахалина, Камчатки и даже Чукотки. Посевные площади Сибири и Дальнего Востока к 1911 г. достигли 6,4 млн дес., что состав-

ляло 7 % общей посевной площади России. По темпам роста посевных площадей и валового сбора зерновых Сибирь в начале XX в. обгоняла Центральную Россию и США. В 1917 г. сбор зерновых в Сибири достиг 600 млн пуд., а по расчетам Переселенческого управления, к 1920-м гг. он должен был составить 1 млрд пуд. Сибирь превращалась в основную житницу России. Ее удельный вес в общероссийском сборе зерновых в предреволюционный период оценивался в 17 %, тогда как Северный Кавказ в этот период давал всего 7,8 % [7, с. 131–133].

Широкое развитие получило скотоводство. В 1913 г. здесь насчитывалось 30 млн голов скота, т.е. пятая часть поголовья России. Перед революцией среднегодовой вывоз мяса за пределы Сибири превышал 3 млн пуд. По количеству скота на душу населения Сибирь превосходила Россию и многие зарубежные страны [7, с. 134–135]. В 1913 г. из Сибири было вывезено 5,1 млн пуд. высококачественного сливочного масла, которое дало казне больше золота, чем его добывалось в сибирских рудниках [8, с. 41; 9].

В итоге Сибирь представляла для Российского государства такой же «Новый Свет», каким для европейских держав была Америка. Открытие Америки и освоение Сибири были синхронными и качественно сходными процессами, принадлежащими эре Великих географических открытий и так называемой первой глобализации, с которой начиналась эпоха Нового времени, породившая в конечном счете индустриальную цивилизацию.

3. ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

На смену традиционным локальным цивилизациям пришла всемирная индустриальная цивилизация, которая принципиально изменила облик и значение Азиатской России для нашего Отечества, да и всего мира. Точное время прихода этой цивилизации, начало модернизационного перехода от традиционного общества (аграрного) к современному (индустриальному) на задворках бывшей великой империи установить не просто. Если в Западной Европе оно датируется XVI в., то здесь это случилось гораздо позднее.

Поначалу промышленность не отделялась от земледелия и существовала в виде домашних промыслов. Коренной поворот совершился в начале XVIII в., когда Петр I инициировал активное строительство крупных по тому времени металлургических заводов на Урале. В 1701 г. выдали первый чугун Каменский и Невьянский заводы. Всего на Урале в первой половине XVIII в. было построено 71 предприятие, 33 из которых производили черный металл, а 38 – медь. Во второй половине XVIII в. вошло в строй еще свыше 100 предприятий. В результате на рубеже XVIII–XIX вв. Россия за счет Урала, производившего 4/5 чугуна и 100 % меди в стране, вышла на первое место в мире по выплавке чугуна. Стремительно нарастал экспорт русских металлов в Англию, Францию, Голлан-

дию, Испанию и даже в США [10, с. 356]. Он в значительной мере способствовал промышленному перевороту в этих странах, открывшему всемирную эпоху перехода от мануфактурной стадии развития промышленности к фабричной системе машинной индустрии, ставшей важнейшим этапом глобального процесса модернизации, трансформации традиционного аграрного общества в современное индустриальное. Есть все основания считать создание мощного металлургического центра на Урале началом российской модернизации, а не относить ее к виттевскому, сталинскому или даже ельцинскому периодам, как это делают некоторые политологи на Западе, да и в России.

В Азиатской России в большом количестве добывались серебро, золото, платина, драгоценные камни и другие полезные ископаемые. На Урале ежегодно намывались сотни пудов золота, а с 1867 по 1913 г. получено около 225 т платины, что сделало его монополистом в данной области [11, с. 12, 24, 28, 32]. Один Алтайский горный округ в XIX в. добывал серебра больше, чем Англия, Франция, Швеция, Пруссия и Бельгия вместе взятые. Добыча золота в Сибири за столетие (1830–1924 гг.) поднялась в общероссийском масштабе с 12,5 до 78,1 % [7, с. 178]. Разумеется, это были только первые ростки индустриальной цивилизации на урало-сибирской почве. В целом экономика региона пока еще носила преимущественно аграрный характер.

Принципиальные изменения в соотношении аграрной и индустриальной составляющих в экономике Азиатской России начались в первой трети XX в. и были связаны с советской модернизацией. Проследить весь шквал этих изменений в коротком тексте невозможно. Остановимся на основных тенденциях, к числу которых относится реализация масштабных социально-экономических программ национального значения. Первоочередным стал Урало-Кузнецкий проект, суть которого заключалась в соединении коксующихся углей Кузбасса с уральской железной рудой и создании на этой основе второй угольно-металлургической базы государства. Уже в 1933 г. этот комплекс дал 1/4 часть выплавки чугуна, 1/6 часть производства кокса, около 1/4 основной химии страны [12, с. 562]. Решение урало-кузнецкой проблемы открыло путь интенсивной индустриализации Сибири и ускорило техническую реконструкцию промышленности Урала, сыграло спасительную для СССР роль во Второй мировой войне.

Послевоенная модернизация вплоть до середины 1980-х гг. характеризовалась расширением индустриального освоения, прежде всего Сибири, вышедшей на арену мировых свершений, особенно в энергетической области за счет строительства сверхмощных гидроэлектрических и тепловых электростанций. Братская, Усть-Илимская, Саянская, Красноярская ГЭС стали мировыми символами индустриальной цивилизации. Так выполнялась Ангаро-Енисейская программа.

А на очереди уже стояла Западно-Сибирская нефтегазовая программа, получившая международное значение. Из бескрайних приобских болот ударили фонтаны нефти и газа, изменившие мировой энергетический баланс. Об этом написано так много, что нет смысла повторяться. Остается сделать итоговый вывод о том, что Азиатская Россия включилась в мировую индустриальную цивилизацию, правда, пока еще в значительной мере в качестве сырьевой составляющей. Необходимо исследовать социально-экономические и культурно-ментальные последствия данного факта, связанные с урбанизацией, ростом уровня образования населения и интеллектуализацией труда. Вместе с тем следует учесть и печальные последствия отмеченных процессов, касающиеся нарушения окружающей среды и ухудшения состояния здоровья населения.

* * *

Из исторического опыта освоения Азиатской России следует, что этот процесс детерминировался ни общественно-политическими формациями, ни парадигмами колонизации, а сменой технологического способа производства, связанного с доминированием той или иной технологии получения общественных благ. На первых порах это были охота и рыболовство, собирательство, сменившиеся аграрным, а затем промышленным производством. Хотя они нередко функционировали параллельно друг с другом, но все-таки преобладало, как правило, одно из них, обеспечивая основные жизненные потребности человека в конкретный исторический период.

Феодализм не воспрепятствовал взлету уральской металлургии, ставшей источником существования многих тысяч людей, а государство получило через нее экономическую и военную мощь. Так же как попытка строительства социализма не обошлась без использования набравшей силу капиталистической индустрии. А темпы, способы, да практически и все проблемы колонизации территорий и населявших их народов, напрямую зависели от доминирующего способа производства, а не от различий, касающихся коренного и пришлого населения. Поэтому объективнее и правильнее вести периодизацию истории регионов не по формациям или типам колонизации, а по смене технологических способов производства, лежащих в основе цивилизаций. В случае с Азиатской Россией такая периодизация делится на две основные части: традиционное общество и индустриальная цивилизация, как, впрочем, и весь мир, что принципиально важно для компаративности исследований.

4. СЕВЕРНЫЙ ВЕКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ

На Севере, особенно дальнем, ямальском в частности, цивилизационная динамика была сильно заторможена. Если на Урале модернизация началась в начале XVIII в., то на Ямале – два века спустя, причем в первой половине XX в. весьма поверхностно, без создания крупных индустриальных производств,

что лишний раз подтверждает тезис о решающей роли смены технологического способа производства, а не общественной формации или этнических критериев.

Условия для такой смены созрели именно во второй половине XX в., что было связано, с одной стороны, с резко возрастающим спросом мировой экономики на энергетические ресурсы, а с другой стороны, с техническими возможностями удовлетворения этого спроса (новые способы разведки полезных ископаемых, современная техника передачи энергоресурсов на большие расстояния). Не случайно интенсивное освоение Ямала по времени совпало с аналогичным решением проблем на Аляске и Канадском Севере, опять-таки, несмотря на принципиальное различие политических систем и национальных традиций.

Акцентируя внимание на энергетической значимости Ямала, не стоит ее гипертрофировать, поскольку речь идет о полноценной сбалансированной истории региона со всеми ее проявлениями, начиная с экономики через политику, национальные отношения, культуру и кончая повседневностью северного сообщества. Именно таким представляется цивилизационный подход к данной проблематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенникова Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России. Теоретические проблемы. М., 2002. Вып. 1: Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения.
2. Алексеев В.В. Регионализм в России. Екатеринбург, 1999.
3. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004.
4. Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С. Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века. Уральское горное управление. М.: Наука, 2008.
5. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири в XVII веке. Красноярск, 1972.
6. Мандрик А.Т. История рыбной промышленности Дальнего Востока. Владивосток, 1994.
7. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири. 1900–1928. Новосибирск, 1996.
8. Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1993.
9. Сибирский крестьянин. 1918. № 1.
10. Алексеев В.В., Гаврилов Д.М. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008.
11. Лукьянин В. Платина России. Екатеринбург, 2001.
12. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. М., 1957. Т. 2.

А.П. ЗЕНЬКО

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯМАЛА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

канд. ист. наук, зам. начальника департамента
Министерства регионального развития РФ, г. Москва
azenko@rambler.ru

В статье рассматривается история накопления этнографических знаний о коренных народах Ямало-Ненецкого автономного округа и выявляются основные этапы данного процесса. Прослеживаются формирование главных научных направлений в этнографическом североведении и оцениваются перспективы его развития. Особое внимание уделяется влиянию этнографических знаний на формирование и укрепление региональной идентичности.

Ключевые слова: коренные народы, этнические процессы, традиционная культура, идентичность, этнография.

Накопление этнографических знаний о народах Северо-Западной Сибири началось задолго до формального присоединения данных территорий к Российскому государству. Уже с начала II тыс. н.э. Нижнее Приобье постепенно входит в сферу экономических интересов новгородцев, что и послужило толчком к сбору информации о населении этих территорий.

Первые сведения о народах Северо-Западной Сибири появляются в русских источниках в XI в. и имеют четко выраженное новгородское «происхождение». Так, в Повести временных лет (1096 г.) говорится: «Се же хоуно сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице: «яко послахъ отрокъ свой в Печеру, люди, иже суть дань дающее Новугороду; и пришедшу отроку

моему к нимъ, а оттуду иде въ Югру, Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сосѣдять с Самоядью на полуночныхъ странахъ» [1]. Так впервые упоминаются угры и самодийцы – наиболее крупные коренные этнические общности Ямало-Ненецкого автономного округа.

К середине II тыс. н.э. сформировались относительно устойчивые торговые контакты Новгорода с территорией Северного Зауралья, что привело к появлению более детальной, хотя еще и не лишенной фантастичности, информации. Так, в «Сказании о чело-вечехъ незнаемыхъ в восточной стране и языцехъ розныхъ», которое датируется предположительно концом XV в., выделяются девять групп самоедов.

На восточной стране за Югорьскою землею. На море живут люди самоедь, зовомы молгонзеи. А ядь их мясо оле-